

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 94(47)+930.2

И.В. ПОБЕРЕЖНИКОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XX в.)*

канд. ист. наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
e-mail: pobeg@r66.ru

В статье раскрываются возможности применения обновленной модернизационной парадигмы для изучения региональной истории России. Отмечается влияние на характер и динамику модернизации пограничного расположения страны между различными цивилизационными мирами, колоссального пространства России, разнообразия ее природно-климатических условий, богатства полезными ископаемыми. Обоснована возможность выделения особой фронтальной модели модернизации на материале восточных регионов страны.

Ключевые слова: модернизация, реконцептуализация, регион, вариативность, фронт, колонизация, освоение, анклавность, пространственная дифференциация.

Различные трактовки модернизации, т.е. перехода от традиционного к современному обществу, сопряжены с разными подходами к определению сущности и степени вариативности данного процесса. Согласно первому подходу (его можно определить как *эволюционистский*), получившему распространение в классических трудах представителей модернизационной парадигмы, акцент делается на эволюционный и прогрессивный характер модернизации, что предполагает всеобщее стадийное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия в соответствии с универсальными закономерностями преимущественно эндогенного характера. В рамках такого подхода история страны трактуется как реализация общих закономерностей перехода от традиционного к индустриальному обществу. Данный подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, выявления общего и особенного в про-

текании данных процессов [1; 2; 3; 4]. Но модель странового развития в рамках указанного подхода оценивается главным образом с точки зрения соответствия некоторому эталону, который обыкновенно воплощается в схеме модернизации стран атлантической цивилизации (Западной Европы и Северной Америки).

Следующий подход, намеченный в ранних работах американского экономического историка А. Гершенкрона, акцентирует внимание на зависимость механизмов модернизации от исторического момента, времени вступления страны в процесс модернизации [5]. Согласно А. Гершенкрону, со временем и в зависимости от места меняются сами механизмы модернизации, а сама модернизация подвергается трансформации (соответственно, данный подход можно определить как *трансформационистский*). Второй подход создает основы для трактовки модернизации как множественного вариативного процесса, разные проекции которого могут рассматриваться конкретно-исторически, как резюме сложных взаимодействий внутренних и внешних факторов.

Сторонники третьего подхода стоят на позициях исторического плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо одному магистральному направлению, настаивая на многовектор-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» раздела 3 («Цивилизационные и геополитические особенности истории России») Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ности и своеобразии модернизаций, протекающих в различных культурно-цивилизационных контекстах и опирающихся, соответственно, на различные социокультурные традиции (данный подход можно определить как *плюралистический*). Действительно, исторические и современные успехи целого ряда стран западной цивилизации (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур и т.д.) свидетельствуют в пользу такого более широкого понимания модернизационного подхода, который оказался чувствительным к историческому опыту стран не только Западной Европы и Северной Америки, но и других частей света. Применение культурно-цивилизационного подхода позволяет переориентировать изучение модернизации с привычного институционально-экономического уровня на область культуры и цивилизации, где как раз и могут быть обнаружены ключевые факторы, которые выступают в качестве стимулов (или барьеров) к проведению преобразований, а также обеспечивают своеобразный облик последних.

Можно предложить еще одну трактовку модернизации. Ее контур намечен в публикациях сторонника цивилизационной парадигмы японского исследователя Ш. Ито [6]. По мнению этого ученого, представление об изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развиваются, оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций. Поскольку в рамках данной теоретической конструкции модернизация (как, вообще, любая «глобальная трансформация») осуществляется в процессе взаимодействия (своеобразных сплетений, фигураций) между культурно-историческими массивами, сопровождающихся диффузией идей, технологий, организационных моделей, обоюдными влияниями и трансформациями, такую трактовку, по отдаленной аналогии с фигурационной социологией процессов Н. Элиаса [7; 8], можно назвать *фигурационной*.

Использование плюралистического, культурно-цивилизационного подхода требует пересмотра устоявшихся концептуализаций модернизации. В свое время было предложено определение модернизации как всеобъемлющего процесса инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному, индустриальному обществу [9, с. 88], которое получило популярность в литературе. Такое определение, однако, спрямляет зигзаги реальных модернизационных процессов, не отражая всей сложности и противоречивости переходной эпохи.

Дело в том, что эпоха модернизации, как и любые переходные периоды, является гетерохронной, имеет множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Так, шведский социолог и культуролог Й. Форнюс, опираясь на концепцию множественности исторического времени Ф. Броделя [10; 11; 12], выделяет в рамках эпохи модернизировать четыре типа темпоральности. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-

вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все четыре типа сосуществуют в рамках эпохи модерна, и все они, по мнению Форнюса, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно, хотя очевидно их взаимодействие в реальности [13, р. 25].

Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические конstellляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям.

Учитывая сложную природу модернизационного перехода и вариативный характер протекания его в различных контекстах, можно предложить следующее определение модернизации – это сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур (структурные условия, которые наследуются от прошлого, в модифицированном виде передаются наследникам и частично детерминируют действия людей) и деятельностей (нынешние действия акторов, субъектов истории, частично детерминирующие будущие структуры [14; 15, с. 231–389]), традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою очередь, осуществляющийся посредством механизмов и субпроцессов (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, урбанизации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций и т.д.), конфигурация и степень проявления которых варьируются в различных цивилизационно-культурных контекстах.

В принципе, возможно наряду с новым использованием и прежнего определения модернизации для обозначения «общей» абстрактной идеал-типической модернизации, конструируемой по «эталонным» образцам. Применение двух определений позволяет идентифицировать модернизацию «общую» и «специфическую» (по аналогии с неозволюционистским разведением общей и специфической эволюции [16]). Второе определение может использоваться для анализа конкретных способов адаптации модернизационных механизмов к средовым условиям (социокультурным, историческим, географическим). Следствием такого рода разведения становится возможность обсуждения проблемы модернизаций (не единой, монолитной, абсолютной модернизации) – временных, цивилизационных, страновых, региональных, субрегиональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Применительно к российской истории пространственное измерение требует самого пристального внимания. Во-первых, пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. В связи с этим по-прежнему дискуссионным остается вопрос о цивилизационном статусе страны, ответ на который можно свести к следующим позициям: 1) Россия – часть (филиал) западной цивилизации; 2) Россия – восточная цивилизация; 3) Россия – своего рода мост, «фильтр» между Западом и Востоком, синтез восточной и западной цивилизаций; 4) Россия – Евразия, уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока; 5) Россия – последовательность субцивилизаций в рамках единого цивилизационного феномена; 6) Россия – не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация) [17, с. 419–461; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. Специфика российского культурно-исторического массива, как нам кажется, может быть адекватно описана при помощи концепта «пограничной» цивилизации (считается, что подобная цивилизация характеризуется относительной молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможно, антиномичностью и социокультурными дивергенциями), который успешно разрабатывается Я.Г. Шемякиным [26; 27; 28, с. 192–344].

Во-вторых, колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее сфер. Указанные обстоятельства, способствовавшие складыванию обширного внутреннего рынка, объективно создавали предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие. Россия представляла собой, по терминологии Ф. Броделя, мир-экономику, т.е. самодовлеющую структуру [12, с. 14]. Вследствие того, что Россия представляла собой мир-экономику со своим собственным институциональным порядком, ее взаимодействия с другими мирами-экономиками были чреваты для нее значительными транзакционными издержками, которых она, естественно, стремилась избежать.

В то же время огромные пространства затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать данное обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, поскольку транспортный фактор имел решающее значение для становления современного индустриального общества.

Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Колонизация же тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологические уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов – урбанизации, индустриализации и т.д.

Необходимо также учитывать, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, а в плане торговли это приводило к росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда [29, с. 593].

Определенное воздействие на экономику и динамику социальных отношений оказывали суровые природно-климатические условия страны (холодный, засушливый континентальный климат), малоблагоприятные для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний [30].

В-третьих, пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. С одной стороны, Россия характеризовалась меньшим разнообразием природно-климатических условий по сравнению с Западной Европой, четкой, широко скроенной сферой «флагообразного» расположения географических зон, «континентальностью», т.е. целостностью и неразбросанностью приобретенной территории. С другой же стороны, колоссальная территория России, ее природная вариативность, сложный исторический характер формирования странового пространства, существенная роль миграций, колонизации, смешения и чересполосного расселения народов в складывании этносоциальной структуры предопределили становление достаточно сложного территориального каркаса. Исторически складывавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения (наиболее важными из которых являлись северный, восточный и южный) регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-словными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Неоднородность странового пространства обуславливает субстрановую вариативность модернизационных процессов. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика).

Региональные и субрегиональные общности могут по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте – выступать региональным фактором модернизации (например, Москва, Петербург, Урал в Российской империи XVIII в.) или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов (например, Юг в Италии или центральные и южные области в Испании XIX в.). Естественно, складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не остаются неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней protoиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX в. свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX в. новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности [31, с. 447–502]).

Вообще, необходимо иметь в виду, что в тех ситуациях, когда модернизация исторически запаздывала, проводилась как вынужденная, она могла усилить фрагментарность общества, способствовать не нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной – естественный модернизационный процесс), но, напротив, росту социальной асимметрии. На данное обстоятельство применительно к истории Российской империи обратил внимание историк Б.Н. Миронов [32]. Асимметрия может нарастать и в рамках субстранных регионов. С очевидностью подобный процесс можно наблюдать на примере Урала в XVIII–XIX вв. Импульсы модернизации Урал, как регион, ощутил с начала XVIII в. – времени активной промышленной колонизации края. Protoиндустриальная модернизация XVIII в. сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта – организационно-технологического, культурного, даже буквальным переселением на Урал приглашавшихся для работы иноземных специалистов [33]. Конгломератный характер модернизации резюмировался созданием промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией [34]. Анклавно-конгломератность составляла суть самой модернизации, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами.

ФРОНТИРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Особый интерес для изучения представляют регионы, в которых модернизация осуществлялась в условиях незавершенного освоения. Такие ситуации были характерны для стран фронта, которые продолжали осваиваться в модерную эпоху. К их числу

можно отнести Россию, США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Сама концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тёрнером, стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в истории которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток» [35; 36; 37; 38; 39; 40].

Восточные регионы России, Урал и Сибирь, в основном включенные в состав страны к концу XVII в., могут рассматриваться в качестве варианта фронтальной модернизации в XVIII – начале XX в. Они продолжали осваиваться в эпоху модернизации. Что касается Сибири, то в XVIII–XIX вв. продолжался процесс присоединения и закрепления территорий на юге региона, а также на Дальнем Востоке; продолжалась нарастающими темпами аграрная колонизация. Крупное заводское строительство (промышленная колонизация), развернувшееся на Урале, а затем и на юге Западной Сибири, на Алтае, в первой половине XVIII в., ускорило перемещение сюда новых контингентов населения с различных территорий.

Признаком фронтальности являлась заметная милитаризация восточных регионов, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований, в установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник).

Повышенная роль в контексте фронтальной модернизации принадлежит транспортному фактору. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. Железные дороги также ускорили освоение Урала, Сибири и Дальнего Востока, стимулировали развитие промышленности, сельского хозяйства, рост городов [41; 42; 43].

Естественное следствие пограничности восточных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации, а также множества социально-сословных, этноконфессиональных, профессиональных групп создавали конгломератный региональный ландшафт.

Итак, к числу особенностей развития восточных регионов России на протяжении XVIII–XIX вв. можно отнести большую подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военного элемента. Включение еще недостаточно освоенных регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом и культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

Все сказанное означает, что процессы модернизации нельзя исследовать, абстрагируясь от простран-

ственных характеристик, исходя из гипотетического представления о гомогенности пространства. Напротив, следует учитывать территориальную неравномерность распространения волн модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных субпроцессов, таких как индустриализация, урбанизация, бюрократизация, профессионализация, складывание своеобразной региональной структуры модернизации, включающей пространственные центры и периферию развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождающиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и реакции периферии, способными адаптировать или гасить подобные импульсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y., 1975.
2. Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York; London, 1965.
3. Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966.
4. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
5. Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective. Cambridge, Mass., 1962.
6. Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории. С. 345–354.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации. М.; СПб., 2001. Т. 1–2.
8. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002.
9. Региональное развитие в контексте модернизации / Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Екатеринбург; Лувен, 1997.
10. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142.
11. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М., 2002, 2003, 2004.
12. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М., 1992. Т. 3.
13. Fornas J. Cultural Theory and Late Modernity. L., 1995.
14. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. М., 2003.
15. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
16. Побережников И.В. Эволюционизм, неэволюционизм и модернизационная парадигма // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Материалы Всерос. науч. конф., посв. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 577–581.
17. Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002.
18. Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историческо-философские очерки. М., 1997.
19. Ионов И.Н. Российская цивилизация и ее парадоксы // История России: Теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1. С. 139–150.
20. Ионов И.Н. Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 115–116.
21. Рашковский Е. Целостность и многоединство российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 63–70.
22. Семенкова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1. С. 28–45.
23. Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 10–38.
24. Флиер А. Цивилизация и субцивилизация в России // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 70–83.
25. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопр. истории. 2005. № 7. С. 153–165.
26. Шемякин Я.Г. Типы междоцивилизационного взаимодействия в «пограничных» цивилизациях: Россия и Иberoамерика в сравнительно-исторической перспективе // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1. С. 191–221.
27. Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 96–114.
28. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.
29. Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века. – 7: Глобальная экономика. М., 2003. С. 589–611.
30. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998.
31. Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
32. Миронов Б.Н. Россия и Запад в XVIII – начале XX в. // Нестор № 11: Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб, 2007. С. 25–29.
33. Алексеева Е.В. Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. С. 46–54.
34. Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000.
35. Кук Р. Граница и метрополия: опыт Канады. М., 1970.
36. Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М., 1993. С. 136–151.
37. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001.
38. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
39. Тёрнер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009.
40. Шейд У. Дж. Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // Американский ежегодник, 2002. М., 2004. С. 9–32.
41. Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73.
42. Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005.
43. Супоницкая И. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010.